

А. А. Накарякова
Екатеринбург, Россия

ТВОРЧЕСТВО ВЛАДИМИРА НАБΟКОВА: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

АННОТАЦИЯ. В центре внимания данной статьи находится роль политики в жизни и творчестве Владимира Набокова. Изучается отношение писателя и его героев к сфере общественной деятельности, рассматриваются те его персонажи, которые так или иначе связаны со сферой политики: люди, причастные к государственному устройству, к общественной деятельности. Исследуются черты, присущие данному типу персонажей, и их роль в персонификации Набокова. Метод исследования можно обозначить как метод традиционного структурно-типологического и сравнительно-исторического анализа. Используя материал всего корпуса русскоязычных текстов Набокова, интервью писателя, опираясь также на работы литературоведов, посвященные изучению творчества прозаика в политическом ключе, мы выстраиваем типологическую парадигму персонажей.

Объектом исследования является обширная персонификация русских романов Набокова, подчиненная внутренней логике художественного и мировоззренческого отбора автора. Предметом исследования стал политический аспект творчества писателя и, в частности, типологическая общность набоковских персонажей, связанных с политикой. Цель нашей работы состоит в анализе ранее мало исследованного политического контекста творчества Набокова.

Изученный материал позволяет сделать выводы о значимости для писателя темы политики и о многогранности ее проявления в его творчестве, о важности ключевой для Набокова оппозиции «подлинное — ложное» в контексте нашей темы. Политика оказывается своего рода игрой, к которой писатель относится не всегда с доверием и пониманием, но зачастую — с уважением и интересом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Владимир Набоков, персонаж, политика, политическая сфера, общественная деятельность, аполитичность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Накарякова Анна Андреевна, аспирант кафедры литературы XX—XXI веков, Уральский федеральный университет; адрес: 620083, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51; e-mail: AnuykaN@mail.ru.

Говорить о политике в произведениях Владимира Набокова непросто. Известно, что Набоков был весьма далек от данной сферы и не стремился погрузиться в нее, изучить глубоко и досконально. Несмотря на то, что жизнь писателя пришлась на период тяжелых потрясений в истории России и Европы, Набоков всячески стремился отстраниться от «большой жизни», избегая политических подробностей, описания программ государственного устройства и всевозможных доктрин в своих произведениях. Политика — сфера, в которой нет места личному, индивидуальному и неповторимому, а для Набокова как раз это важнее всего. Более того, сам писатель всячески подчеркивал свою аполитичность: «„Я никогда, никогда, никогда не буду писать романы, которые решают современные проблемы или отображают общественный интерес“, — писал В. В. Набоков своему нью-йоркскому литературному агенту А. де Джоннели в 1938 г.» [Шифф 2002: 64].

Неслучайно своим любимым персонажам писатель часто передает это более чем прохладное отношение к политике. В романе «Подвиг» появляются слова: «Мартыну было больше всего жаль своеобразия покойного, действительно незаменимого, — его жестов, бороды... Это было в каком-то смысле ценнее его общественных заслуг, для которых был такой удобный шаблончик, — и со странным перескоком мысли Мартын поклялся себе, что никогда сам не будет состоять ни в одной партии, не будет присутствовать ни на одном заседании, никогда не будет тем персонажем, которому предоставляется слово, или который закрывает прения и чувствует при этом все восторги гражданственности. И часто Мартын дивился, почему никак не может заговорить о сокро-

венных своих замыслах с Зилановым, с его друзьями, со всеми этими деятельными, почтенными, бескорыстно любящими родину русскими людьми» [Набоков 1990, т. 2: 253] (в дальнейшем произведения В. Набокова русского периода цитируются по данному изданию с указанием в скобках номера тома и страницы).

А в романе «Другие берега», говоря о мыслях своих собратьев по изгнанию в Англии, рассказчик отмечает: «Я замечал, что патриотизм и политика сводились у них к животной злобе, направленной против Керенского скорее, чем против Ленина, и зависевшей исключительно от материальных неудобств и потерь» [4, 275]. Не менее интересен пассаж из романа «Смотри на арлекинов!», посвященный политическим взглядам эмигрантской интеллектуальной элиты: «Я имел случай узнать и невзлюбил профессора Ленгли — на официальном обеде в канун его отбытия в Оксфорд. Его „марксизм“ оказался симпатично комичным и очень умеренным (может быть, слишком умеренным на вкус супруги) в сравнении с общим невежественным обожанием Советской России, практикуемым американскими интеллектуалами. Помню внезапную тишь, вороватый обмен скептическими гримасами, когда на приеме, устроенном в мою честь самым видным из членов нашего английского отделения, я охарактеризовал большевицкое государство как обывательское в минуты передышки и скотское в действии; соревнующееся в прожорливой хватке — на международной арене с самой богомола; выгестовавшее в своей литературе посредственность, сперва сохранив несколько талантов, уцелевших от прежних времен, а после вымарав их собственной их кровью. Один из профессоров, левый

моралист и ревностный стенописец (в тот год он экспериментировал с автомобильными красками), вышел вон из дверей. <...> Рецензенты моих книг дули в ту же дуду, для порядка журия меня за недооценку „величия“ Ленина. Даже президент Квирна, опасно симпатизировавший модным „советчика“, принял, по сути, мою сторону: посетив нас, он говорил, как он горд и т. д., что он нашел мою „последнюю (?) книгу весьма интересной“, хоть и не может не сожалеть о моем обыкновении при всякой возможности хулить во время занятий „нашего великого союзника“. Я ответил, смеясь, что эта хула покажется детскими ласками в сравнении с публичной лекцией о „Тракторе в советской литературе“, которую я намереваюсь прочесть под конец семестра» [Набоков 2004, т. 5: 390] (в дальнейшем произведения американского периода цитируются по данному изданию с указанием номера тома и страницы). Набоков вновь и вновь обращается к теме неупорядоченности, незрелости, шаткости политических взглядов эмигрантов, которые одновременно ненавидят советскую Россию и боятся ее.

Политика — это служение общему и игнорирование частности, это обезличенность, штамп. Все «восторги гражданственности» кажутся «общим местом» тому человеку, который любит не некий абстрактный образ родины, а неповторимый запах родного дома, картину на стене, стрекот крыльев светлячков на веранде и вкус простокваши...

Некоторые исследователи подчеркивают аполитичность как стиль поведения писателя, как черту его мировоззрения и как аспект его творчества. «Аполитичность Набокова вызывала удивление», — замечает Стейси Шифф [Шифф 2002: 104]. Виктор Ерофеев пишет: «Набоков аполитичен, и это, кажется, большой плюс. Русская литература — с отбитыми почками — не скоро вернется к политическому дискурсу (по своей воле)» [Ерофеев 2002: 136].

В равнодушии к происходящим в мире событиям писателя, как известно, обвиняли и современники-эмигранты. А Назарян в статье «Набоков и политика» отмечает: «Набокова давно считают писателем, убежавшим от истории, человеком, успешно спасшимся от русской революции, покинув Петербург, а от Второй мировой и Холокоста, покинув Берлин. В Америке большинство коллег называли Набокова агрессивно аполитичным. Как рассказывает Питцер в своей блестяще написанной хронике, его часто критиковали за то, что он не занимался актуальными вопросами. Например, его друг Эдмунд Уилсон (Edmund Wilson) писал: „Я никогда не мог понять, как Вы можете притворяться, что можно писать о людях и совсем не рассматривать общество и среду“» [Назарян: "The New Republic", США. — 14.04.2013].

В то же время наиболее, быть может, принципиальные литературоведы придерживаются принципиально иной точки зрения. Они полагают, что подчеркнутая индифферентность Набокова к политике — лишь очередной миф, элемент игры с биографами и читателями. В книге Михаила Шишкина «Русская Швейцария» читаем: «Аполитичность Набокова — миф, который писатель усердно возводит вокруг себя, как стену. Он сле-

дит за всеми политическими событиями в мире и в России. Его каждодневный маршрут проходит мимо киоска, где он покупает главные газеты на всех известных ему языках» [Шишкин 2011: 341].

Д. Чекалов, говоря о рассказах Набокова, утверждает: «Рассказ „Образчик разговора, 1945“ опровергает, кстати сказать, ходячее мнение об аполитичности Набокова. (Вот и в письме к Глебу Струве от 24 ноября 1946 года он писал: „С интересом слежу за советизацией русских черносотенцев. По-прежнему ненавижу рабство.“) Коллаборационистские настроения части американского общества, запечатленные в рассказе, подмечены Набоковым зорко и бескомпромиссно: без него мы бы ничего о них не знали» [Чекалов 2004: 7].

Исследователь Н. Елисеев, в свою очередь, замечает: «На эту игру слов можно было бы не обращать внимания, если бы не тщательно, яростно скрываемый интерес Набокова к политике. Между тем этот аполитичный либерал не просто интересовался политикой. Он великолепно в ней разбирался. Чего стоит один только анализ русской истории, предложенный им Бомстону-Несбиту-Батлеру: „...русскую историю можно рассматривать ...как своеобразную эволюцию полиции, странно безличной и как бы даже отвлеченной силы, иногда работающей в пустоте, иногда беспомощной, а иногда превосходящей правительством в зверствах — и ныне достигшей такого расцвета...“ Это что, не интересующийся политикой человек? Нет, это пишет человек, поразительно умеющий объяснить какие-то политические явления, прикинувшись полным профаном в этой самой области» [Елисеев 2007: http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/].

Не менее категорично замечает А. Д. Васильев: «Напомним прежде всего о том, что миф о своей сугубой аполитичности В. Набоков формировал и культивировал для читательской аудитории настойчиво и последовательно, то вкладывая соответствующие высказывания в речь близких ему персонажей, то манифестируя такие суждения в собственных высказываниях (авторских репликах, комментариях и проч.)» [Васильев 2013: 139]

Тот же Васильев не просто отмечает факт существования мифа о равнодушии Набокова к политике, но и анализирует его: «Снобистское кокетство В. Набокова своей якобы аполитичностью довольно-таки сродни распространенному российскому увлечению „деидеологизацией“ („деидеологизация“ — устранение из различных сфер общественной жизни влияния идеологии (обычно коммунистической)» [Там же: 202]), а точнее, конечно, — реидеологизацией. Таким образом, миф о некоей „аполитичности“ В. В. Набокова — всего лишь миф, правда, старательно (несмотря на вышеупомянутые прямые инвективы) выстраиваемый как самим писателем, так и позднейшими набоковедами. Нередко они (впрочем, следуя логике самого объекта изучения), считая набоковские русскоязычные тексты кристально аполитичными, склонны делать нечто вроде исключения для а н т и советских суждений и оценок великого стилиста: дескать, это всё — в силу врожденного благородства и стремления соблюдать правила хорошего тона, как положено

всякому порядочному человеку. Например: „Хотя Набоков и утверждал, что писатель не имеет социальных обязательств, но вместе с тем был бескомпромиссен по отношению к тоталитарному режиму в СССР“ [3. С. 5] — то есть **это** отношение — как бы не в счет» [Там же: 142].

А в уже упомянутой статье «Набоков и политика», посвященной пьесе «Трагедия господина Морна», читаем: «Существует еще одна причина обратить внимание на „Господина Морна“: как отмечают в предисловии переводчики, в этой пьесе „Набоков намного полнее и откровеннее, чем когда-либо в дальнейшем своем творчестве, исследует истоки революционного импульса, которыми он считает тягу к смерти и страсть к разрушению“. По „Господину Морну“ очень заметно и то, что Набоков считает революционеров варварами, и то, что он испытывает по отношению к смерти смесь восторга и ужаса. Это совсем не удивительно, если учесть, что отец Набокова был убит в Берлине русскими реакционерами за год до того, как писатель принял за свою пьесу. Горюя об отце, о родном городе и о более утонченном жизненном укладе, чем тот, который могли предложить первые десятилетия 20 века, Набоков-младший написал „Господина Морна“ — политическую фантазию, оторванную от актуальной политической тематики. В конечном счете, это пьеса об эго, одновременно опустошенных и удовлетворенных, о расходящихся влюбленных, иссякающей страсти, убеждениях, которые оказываются ничтожными, надеждах, которые оказываются эгоистичными, и попытках изменить мир, нацеленных в сущности лишь на то, чтобы компенсировать некую пустоту в сердце. Как говорится, вся политика на самом деле, местная» [Назарян: «The New Republic», США. — 14.04.2013].

Упомянутая в этой статье Андреа Питцер в своей книге, озаглавленной «Тайная история Владимира Набокова» («The Secret History of Vladimir Nabokov»), утверждает, что «под покровами искусства ради искусства, в которые Набоков не без самоиронии обличал свои произведения, скрывается подробная хроника кошмаров его времени... На уровне глобальном становится очевидным, что Набоков, неуклонно избегавший политических тем в публичных высказываниях, выражал свое отношение к событиям, свидетелем которых ему довелось стать» [Питцер 2013: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>]. Исследователь предполагает, например, что «судебные разбирательства, материалы ФБР и нацистская пропаганда проливают некоторый свет на отдельные места в „Лолите“» [Там же]. Или рассуждает, «является ли «Бледный огонь» своеобразным письмом любви всем жертвам ГУЛАГа». «В репертуаре зрелого Набокова едва ли есть хоть один роман, — пишет Питцер, — в котором никто из главных героев не сокрушен тюремным заключением или не преследуем воспоминаниями о тех, кто сгинул в лагерях» [Там же].

Без сомнения, точка зрения вышеупомянутых исследователей, считающих аполитичность писателя мнимой, выглядит убедительно. Во всяком случае, невозможно утверждать, что писатель совершенно исключал любую политическую подоплеку из своих произведений. Так, например,

можно обратить внимание на роман «Под знаком незаконнорожденных», где в центре внимания оказывается политическая система государства Падука. Это — полицейское государство, построенное на принципах насилия, шпионажа, пропаганды. Уже по тому, сколь гротескно уродлива описываемая в романе страна, можно заключить, насколько неприятен Набокову тоталитаризм в любом виде, насколько этот строй противоречит его принципам и мировоззрению в целом.

Интересно, однако, то, что писатель не желает замечать различий, например, между немецким фашизмом и советским коммунизмом и старательно отрицает параллели между реально существующими тираниями и государствами, созданными его воображением. Для него не важны тонкости политических программ, он принципиально выше этого. Интересуют писателя, прежде всего механизмы давления на человека, манипуляции с личностью, а не тонкости проектов тоталитарного устройства.

Особенно это заметно, если обратиться к роману «Приглашение на казнь», где действие происходит в условной реальности. Главный герой Цинциннат испытывает безжалостное давление марионеточного государства на свою личность, уничтожение границ личного пространства, покушение на экзистенциальную свободу. Насилие государственной машины над личностью для Набокова, в принципе, неприемлемо, ведь это прежде всего вторжение в ту сферу, которая должна оставаться неприкосновенной. Он не единожды говорил об этом в своих интервью.

Несмотря на многократные утверждения о том, что созданный им мир-антиутопию не стоит соотносить с реальными государствами, параллели проводятся совершенно очевидные. Кроме того, в романах упомянуты не только преступления фантазмагорических тираний, но и преступления вполне реальных тоталитарных режимов. Так, например, в нацистских лагерях погибают и невеста профессора Пнина Мира Белочкина, и герой романа «Смотри на арлекинов!» Осип Львович Оксман («Сам Осип Львович погиб при отчаянной попытке к бегству, — уже почти убежав, босой, в заляпанном кровью исподнем, из „экспериментальной больницы“ в нацистском концентрационном лагере» [5, 311]). Что уж говорить о советской действительности, которая Набокову была глубоко чужда. «Я бежал из России, не достигнув и девятнадцати лет и оставив поперек тропы в опасном лесу труп убитого красноармейца. Затем я в течение полувека поносил Советскую власть, вышучивал ее, выворачивал наизнанку, чтобы сделать ее посмешнее, выжимал, как мокрое от крови полотенце, пинал дьявола в самое его зловонное место и по иному изводил советский режим при всяком удобном случае, какой подворачивался в моих сочинениях» [5, 440], — заявляет рассказчик в «Смотри на арлекинов!», и это во многом кредо самого Набокова.

Исследователь А. Васильев также отмечает: «Впрочем, сам Набоков весьма откровенен (и безапелляционен) в своих оценках того, что происходит в Советском Союзе, и в инвективах против тех, по чьей вине это происходит. Эти эпизоды метаромана можно условно подразде-

лить на две основные группы: характеристики вождей-правителей и описания всецело подвластных им „народных масс“. Результатом деятельности вождей („тиранов“) становится возникновение нового государства и формирование нового типа людей — точнее, наверное, некоей человеческой массы. Наиболее гротескно эти достижения описываются в изображении фантастической и фантасмагорической Зоорландии — страны всеобщего абсолютизированного равенства, или, говоря иначе, универсального и поголовного niveлирования. Но и повторяющиеся из фрагмента во фрагмент метаромана упоминания о Стране Советов, реальной, или, строго говоря, представляемой Набоковым из его эмигрантского далека, тоже не отличаются бесстрастностью и беспристрастностью» [Там же: 140].

Кроме того, здесь стоит особо упомянуть рассказ «Истребление тиранов». Рассказчик признается: «Я никогда не только не болел политической, но едва ли когда-либо прочел хоть одну передовую статью, хоть один отчет партийного заседания. Социологические задачи никогда не занимали меня, и я до сих пор не могу вообразить себя участвующим в каком-нибудь заговоре <...> До блага человечества мне дела нет, и я не только не верю в правоту какого-либо большинства, но вообще склонен пересмотреть вопрос, должно ли стремиться к тому, чтобы решительно все были полусыты и полуграмотны» [4, 385]. Эти слова можно по большому счету назвать программой самого писателя. Он заявляет: «Я плохо разбираюсь в том, что государству полезно, а что вредно <...> Среди всех и всего меня занимает одна только личность» [4, 386].

Для писателя сама суть политики (прежде всего, тоталитарного государства) заключается в том, что «ограниченный, грубый, малообразованный человек, самодур, жестокий и мрачный пошляк с болезненным гонором» [4, 386] возвышается благодаря внедрению «темных, зоолгических, зоорладских идей» [4, 386], которые приходятся по душе массам. К идее вообще рассказчик (а за ним — и автор) относится более чем скептически: «Будь идея, у которой мы в рабстве, вдохновеннейшей, восхитительнейшей, освежительно мокрой и насквозь солнечной, рабство оставалось бы рабством, поскольку нам навязывали бы ее» [4, 387].

Тирания неприемлема для Набокова во всех видах. «Как позднее напишет его жена Вера, „каждая книга ВН — удар по тирании“. Эта тирания, как свидетельствуют самые великие и страдающие герои Набокова, может процветать и внутри, и снаружи» [Питцер 2013: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>].

Как мы видим, слова «политика», «общественность», «гражданственность» и тому подобные чаще всего упоминаются Набоковым в негативном контексте, а потому и его герои-протагонисты относятся к данным понятиям либо с непониманием, либо с пренебрежением.

Общественная жизнь со всеми ее перипетиями оказывается областью, недоступной для понимания, например, жены шахматиста Лужина, между прочим, одной из самых обаятельных героинь в галерее женских персонажей. «Она ужаснулась тому, что в продолжение последних лет

так мало занималась наукой изгнания, равнодушно принимая лаком и золотой вязью блещущие воззрения своих родителей и без внимания слушая речи на собраниях, которые одно время полагалось посещать. Ей пришло в голову что и Лужин, быть может, найдет вкус в гражданственных изысканиях, быть может, увлечется, как, по видимому, увлекаются этим миллионы умных людей» [2, 130]. «Началось с газет. Она стала выписывать „Знамя“, „Россиянина“, „Зарубежный Голос“, „Объединение“, „Клич“, купила последние номера эмигрантских журналов и, для сравнения, несколько советских журналов и газет» [2, 131]. Но знакомство героини с политическими тонкостями и попытка приобщиться к «гражданственным изысканиям» оказываются довольно неудачными. «Дело в том, что чем внимательнее она читала газеты, тем ей становилось скучнее, и туманом слов и метафор, предположений и выводов заслонялась ясная истина, которую она всегда чувствовала и никогда не могла выразить. Когда же она обращалась к газетам потусторонним, советским, то уже скуке не было границ. От них веяло холодом гробовой бухгалтерии, мушиной канцелярской тоской, и чем-то они ей напоминали Образ маленького чиновника с мертвым лицом в одном учреждении, куда пришлось зайти в те дни, когда ее и Лужина гнали из канцелярии в канцелярию ради какой-то бумажки» [2, 132]. Безликая и внутренняя пустота, прячущаяся за пафосом громких слов — такой представляется политика Лужиной, а в какой-то степени и самому Набокову. Но в то же время, необходимо отметить, что в данном случае речь идет прежде всего о советской действительности, которую Набоков не приемлет ни в каком виде.

В отличие от госпожи Лужиной, таким персонажам, как Щеголев из романа «Дар», поговорить на темы, касающиеся политики, представляется весьма занимательным занятием. «И Щеголев пошел рассуждать о политике. Как многим бесплатным болтунам, ему казалось, что вычитанные им из газет сообщения болтунов платных складываются у него в стройную схему, следую которой логический и трезвый ум (его ум, в данном случае) без труда может объяснить и предвидеть множество мировых событий. Названия стран и имена их главных представителей обращались у него вроде как в ярлыки на более или менее полных, но по существу одинаковых сосудах, содержание которых он переливал так и этак <...> Словом — мир создаваемый им, получался каким-то собранием ограниченных, безъюморных, безликих, отвлеченных драчунов, и чем больше он находил в их взаимных действиях ума, хитрости, предусмотрительности, тем становился этот мир глупее, пошлее и проще. Совсем страшно бывало, когда он попадал на другого такого же любителя политических прогнозов. Был, например, полковник Касаткин, приходивший иногда к обеду, и тогда сшибалась щеголевская Англия не с другой щеголевской страной, а с Англией касаткинской, такой же несуществующей, так что в каком-то смысле войны международные превращались в межуособные, хотя воюющие стороны находились в разных планах, никак не могущих соприкоснуться» [3, 143].

Персонажи, подверженные пошлости, видят политику как борьбу неких неизвестных сил. Эта сфера им, как и многим другим, совершенно не ясна, но это не останавливает подобных героев в стремлении плести кружева из пустых, ничего не значащих слов, которые маскируют неосведомленность и создают видимость ложной просвещенности. Набокову глубоко чуждо подобное «словоплетение».

Но именно благодаря тому, что Щеголев — персонаж, несомненно, неприятный и неглубокий, его точка зрения не может быть разделена писателем, и для самого Набокова политическая жизнь, скорее всего, не просто «собрание ограниченных и безъёморных драчунов», каковой она представляется герою. И можно ли утверждать, что сама сфера политики дискредитирована тем, что дает персонажам-«пошлякам» широкие возможности для проявления своих склонностей к пустым рассуждениям?

Казалось бы, отношение к политике — своего рода «проверка» персонажа, критерий разделения на положительных и отрицательных героев. Но, разумеется, в набоковском мире все не может быть столь однозначно. Кроме того, все это касается того, как писатель и его протагонисты и антагонисты относятся к различным проявлениям политической деятельности. А есть ли среди героев Набокова те, кто существует «внутри» этой сферы, кто посвящает жизнь служению на «политической арене»? Если об отношениях Набокова и политики пишут довольно часто, то персонажи, чья жизнь так или иначе связана с общественной деятельностью, практически никогда не становятся предметом исследования набоковедов.

Разумеется, нельзя не упомянуть образы правителей тех государств, которые придуманы Набоковым — тирана Падука, возникающего и в романе «Под знаком незаконнорожденных», и безымянного правителя в рассказе «Истребление тиранов». Подобные персонажи, как правило, демонизированные, безликие, страшные, олицетворяют собой ужас бездушного тоталитарного государства. Они чаще всего недалекие и духовно слепые, не обладают талантами и чувством юмора, но при этом являются весьма ловкими манипуляторами, умудряющимися добиться покорности и подчинения масс.

Особняком стоят фигуры иных правителей — не тиранов, а королей по крови, наследников, оказавшихся в изгнании. «Одиноким королем» («Solus rex») — особая категория набоковских персонажей. Они появляются в пьесе «Трагедия господина Морна», в романе «Бледное пламя». Но короли, потерявшие свою страну, не одержимы обретением власти, завоеванием утраченного. Они связаны прежде всего с темой потерянного рая, тоски по родине. И подобные фигуры в контексте темы политики для нас не очень важны, потому что от политики они совершенно оторваны.

Не так уж много в прозе Набокова персонажей, посвящающих свою жизнь общественной деятельности, но все же такие герои есть и, что интересно, весьма характерные. Один из такого рода героев — главный редактор берлинской «Газеты» Васильев (персонаж романа «Дар»). Когда Федор Константинович метафизически

«перемещается» в тело и разум Васильева, мы имеем возможность понять, что происходит в душе человека, близкого к политике, практически дышащего ею. «Он [Федор Константинович — А. Н.], для которого так называемая политика (все это дурацкое чередование пактов, конфликтов, обострений, трений, расхождений, падений, перерождений ни в чем неповинных городков в международных договорах) не значила ничего, погружался, бывало, с содроганием и любопытством в просторные недра Васильева и на мгновение жил при помощи его, васильевского, внутреннего механизма, где рядом с кнопкой „Локарно“ была кнопка „локаут“, и где в ложно умную, ложно занимательную игру вовлекались разнокалиберные символы: „пятерка кремлевских владык“ или „восстание курдов“ или совершенно потерявшие человеческий облик отдельные имена: Гинденбург, Маркс, Панлеве, Эррио, — головастая э-оборотность которого настолько самопределилась на столбцах васильевской „Газеты“, что грозила полным разрывом с первоначальным французом; это был мир вещей предсказаний, предчувствий, таинственных комбинаций, мир, который в сущности был во стократ призрачней самой отвлеченной мечты» [3, 34].

Политика здесь представляется как игра, умная, но призрачная, бесплодная — игра, имитирующая живую жизнь. В то же время, что есть жизнь, по Набокову, как не игра? Особенно силен этот игровой элемент в творчестве. Можно сказать, что Федор Константинович, с одной стороны, с иронией, с другой стороны, с неким уважением говорит об игре на чужом поле, правила которой ему недоступны. И хотя слово «ложная» заведомо снижает оценку этого рода деятельности, она загадочна и, во всяком случае, вызывает интерес.

Сам Васильев производит впечатление все-таки довольно обаятельного персонажа, но в то же время деятельность его описана с большой иронией: «Редактор берлинской „Газеты“, наладив связь с малочитаемым английским журналом, помещал в нем еженедельную статью о положении в советской России. Несколькими днями раньше, он писал статью начерно, оставляя пробелы, вкрапывая русские фразы и требуя от Федора Константиновича дословного перевода своих передовичных словеч: был молодцу не в укор, чудеса в решетке, как дошла ты до жизни такой, се лев, а не собака, пришла беда — растворяй ворота, и волки сыты, и овцы целы, беда, коль пироги начнет печи сапожник, всяк сверчок знай свой шесток, голь на выдумки хитра, милые бранятся — только тешатся, мы и сами с усами, свой своему поневоле брат, паны дерутся — у хлопцев чубы болят, дело не волк — в лес не убежит, снявши голову, по волосам не плачут, нужна реформа, а не реформы. И очень часто попадалось выражение: „произвело впечатление разорвавшейся бомбы“» [3, 155]. Здесь, возможно, сказывается отношение Набокова не столько к политике, сколько к информационно-политической сфере деятельности и вообще к газетам. Писателю эта область была, как известно, глубоко чужда.

Совсем не удивительным оказывается тот факт, что книгу Годунова-Чердынцева о Чернышевском Васильев называет «беспардонной, ан-

тиобщественной, озорной отсебятиной» [3, 186]. Для него общественный пафос гораздо важнее любого таланта: «Есть традиции русской общест-венности, над которыми честный писатель не смеет глумиться. Мне решительно все равно, талантлив вы или нет, я только знаю, что писать пасквиль на человека, страданиями и трудами которого питались миллионы русских интеллигент-ов, недостойно никакого таланта» [3, 187]. Васи-льев, без сомнения, чувствует некую солидар-ность с Чернышевским, преемственность. Ведь он, со своей точки зрения, служит великой миссии: сплотить изгнанников, поддержать их морально, используя в качестве рупора свою «Газету».

Что касается самого Чернышевского, то его не упоминать в связи с нашей темой невозможно. Конечно, учитывая гротескно-пародийный стиль романа «Жизнь Чернышевского», написанного Годуновым-Чердынцевым, не приходится удив-ляться, что фигура революционера подана откро-венно уничижительно. Но в то же время невоз-можно игнорировать размышления Годунова-Чердынцева о судьбе России и ее «героях»: «Он понемножку начал понимать, что такие люди, как Чернышевский, при всех их смешных и страшных промахах, были, как ни верти, действительными героями в своей борьбе с государственным по-рядком вещей, еще более тлетворным и пошлым, чем их литературно-критические домыслы, и что либералы или славянофилы, рисковавшие мень-шим, стоили тем самым меньше этих железных забияк» [3, 183]. Признание деятельности шести-десятников — казалось бы, весьма неожиданный ход для эстета и аристократа Годунова-Чер-дынцева. Не менее интересно его замечание по поводу действий царя: «Он живо чувствовал некий государственный обман в действиях „Царя-Освободителя“, которому вся эта история с даро-ванием свобод очень скоро надоела; царская скука и была главным оттенком реакции. После мани-феста стреляли в народ на станции Бездна, — и эпиграмматическую жилку в Федоре Константи-новиче щекотал безвкусный соблазн, дальней-шую судьбу правительственной России рассмат-ривать, как перегон между станциями Бездна и Дно» [3, 183]. Это явно слова не человека, дале-кого от политики, каковым позиционирует себя Годунов-Чердынцев, а человека, интересующего-ся тем, что происходило в его стране.

Если принять во внимание подобных героев, можно решить, что политика для Набокова — совершенно бесполезная сфера жизни, основан-ная на притворстве, лжи, ненужной суете, обез-личивании человека, и люди, которые занимают-ся этим делом, по большей части нелепы. Но этот вывод не будет верным.

Дело в том, что персонажи, подобные Васи-льеву и иже с ним, лишь одна «сторона меда-ли». Набоков не мог пренебрежительно относиться к политической жизни хотя бы потому, что его отец, Владимир Дмитриевич, был человеком по-литики, чья жизнь и смерть были неразрывно свя-заны со служением своей стране, заботой о ее судьбе. Об этом упомянуто в «Других берегах»: «Став одним из лидеров Конституционно-Демок-ратической партии, мой отец тем самым презри-тельно отверг все те чины, которые так обильно

шли его предкам. На каком-то банкете он отка-зался поднять бокал за здоровье монарха — и преспокойно поместил в газетах объявление о продаже придворного мундира» [4, 240].

Как и все, что связано с образом отца, взгля-ды Владимира Дмитриевича описаны с огромным уважением: «...отец приезжал в Англию с пятью другими видными деятелями печати (среди них были Алексей Толстой, Немирович-Данченко, Чу-ковский) по приглашению британского правитель-ства, желавшего показать им свою военную дея-тельность, которая недостаточно оценивалась русским общественным мнением» [4, 272]. «Об этом отец замечательно рассказывал за обеден-ным столом, но в его книжке „Из vécuющей Ан-глии“ я нахожу мало примеров его обычного юмо-ра: он не был писателем» [4, 272]. Или то, что касается Русско-японской войны: «В кафе у фи-умской пристани, когда уже нам подавали зака-занное, мой отец заметил за ближним столиком двух японских офицеров — и мы тотчас ушли» [4, 141]. Эта немногословная бескомпромиссность по отношению к врагу описана с гораздо большей симпатией, чем многоречивые и пустые рассу-ждения иных «государственников».

Очень интересно этот момент биографии пи-сателя обыгран в романе «Смотри на арлеки-нов!». Здесь рассказчика ошибочно принимают за сына известного общественного деятеля («По-звольте мне, пользуясь этой приятной прогулкой, рассказать о двух моих встречах с вашим про-славленным отцом. Первая случилась в опере, в пору Первой Думы. Я, разумеется, знал портреты ее наиболее приметных членов. И вот из божест-венных высей я, бедный студент, увидел, как он появился в розовой ложе с женой и двумя маль-чуганами, одним из которых, конечно же, были вы. Второй раз я увидел его на публичном диспу-те по вопросам текущей политики, на розовой заре Революции; он выступал сразу после Керен-ского, и контраст между нашим пламенным дру-гом и вашим отцом с его английским sangfroid и отсутствием жестикуляции...» [5, 311]), в то время как отец рассказчика, по его словам, «был игрок и распутник. <...>Отпрыск княжьего рода, верно слу-жившего дюжине царей, отец застрял в идилличе-ских предместьях истории. Его политические взгля-ды были поверхностны и реакционны» [5, 312].

В «Других берегах» есть весьма любопытное упоминание о генерале Куропаткине, «корена-стом госте» отца, который в тот самый день по-сещения их дома «был назначен Верховным Главнокомандующим Дальневосточной Армии» [4, 141]. Этот герой запоминается вовсе не своей политической деятельностью, о которой мы мало что знаем, кроме того факта, что он «опростился» и, возможно, его ждал «советский конец». Прежде всего, Набокову запомнился тот фокус со спичка-ми, который Куропаткин показывает мальчику, запомнился эпизод, который относится к области простых человеческих отношений, а не к положе-нию страны на международной арене.

Есть у Набокова и другие персонажи, жизнь которых связана с политической, дипломатиче-ской деятельностью, но описаны они совершенно нейтрально, без иронии. Это можно сказать, на-пример, о Михаиле Платоновиче Зиланове, герое

романа «Подвиг»: «Он «принадлежал к числу тех русских людей, которые, проснувшись, первым делом натягивают штаны с болтающимися подтяжками, моют по утрам только лицо, шею да руки, — но зато отменно, а еженедельную ванну рассматривают как событие, сопряженное с некоторым риском. На своем веку он немало покатался, страстно занимался общественностью, мыслил жизнь в виде чередования съездов в различных городах, чудом спасся от советской смерти и всегда ходил с разбухшим портфелем. <...> Мартын всякий раз, когда видел его, почему-то вспоминал, что этот, по внешности малоспортивный человек, играющий, вероятно, только на бильярде да еще, пожалуй, в рюхи, спасся от большевиков по водосточной трубе и когда-то дрался на дуэли с октябристом Тучковым» [2, 207]. Не сказать, что в «Подвиге» общественные интересы Зиланова освещены подробно, но уже само отсутствие иронии значимо. Для Набокова это тоже своеобразный способ авторской оценки.

В том же «Подвиге» упомянут Грузинов, «который, по наведенным справкам, оказался человеком больших авантур, террористом, заговорщиком, руководителем недавних крестьянских восстаний» [2, 255]. «Оказалось однако, что Юрия Тимофеевича Грузинова не так-то легко привести в благое состояние духа, когда человек вылезает из себя, как из норы, и усаживается нагашом на солнышке. Юрий Тимофеевич не желал вылезать. Он был в совершенстве добродушен и вместе с тем непроницаем, он охотно говорил на любую тему, обсуждал явления природы и человеческие дела, но всегда было что-то такое в этих речах, отчего слушатель вдруг спрашивал себя, не измывается ли над ним потихоньку этот сдобный, плотный, опрятный господин с холодными глазами, как бы не участвующими в разговоре. Когда прежде, бывало, рассказывали о нем, о страсти его к опасности, о переходах через границу, о таинственных восстаниях, Мартын представлял себе что-то властное, орлиное. Теперь же, глядя, как Юрий Тимофеевич открывает черный, из двух частей, футляр и нацепляет для чтения очки, — очень почему-то простые очки, в металлической оправе, какие подстать было бы носить пожилому рабочему, мастеру со складным аршином в кармане, — Мартын чувствовал, что Грузинов другим и не мог быть. Его простоватость, даже некоторая рыхлость, старомодная изысканность в платье (фланелевый жилет в полоску), его шутки, его обстоятельность, — все это было прочной оболочкой, коконом, который Мартын никак не мог разорвать» [2, 273]. На этот «кокон», на эту загадку, окутывающую Грузинова, можно особо обратить внимание. Столь же загадочна для Годунова-Чердынцева игра, которая ведется Васильевым: Федор Константинович осознает, что те слова, которые для него являются пустым неясным набором букв, для редактора наполнены тайным смыслом и оказываются крайне значимыми в его деятельности.

А в романе «Защита Лужина» с симпатией упомянут «милейший Василий Васильевич, застенчивый, благообразный, светлородый, в старческих штиблетах, кристальной души человек. В свое время его ссылали в Сибирь, потом за

границу, оттуда он вернулся, успел одним глазком повидать революцию и был сослан опять. Он задушевно рассказывал о подпольной работе, о Каутском, о Женеве и не мог без умиления смотреть на Лужину, в которой находил сходство с какими-то ясноглазыми идеальными барышнями, работавшими вместе с ним на благо народа» [2, 136]. Несмотря на иронию, проскальзывающую в упоминании о «идеальных барышнях» и «благе народа», сам персонаж неприязни отнюдь не вызывает. Просто сфера его интересов ни писателем, ни его протагонистами не разделяется и не может быть разделена. Все, что связано с общественной деятельностью и пресловутым «служением народу», опять же окутано тайной.

Таким образом, несмотря на прохладное отношение Набокова к понятиям «народность», «гражданственность», на его скептический взгляд на политику, назвать писателя аполитичным и отнести всех его героев, связанных с общественной сферой, к отрицательным — невозможно. Персонажи, не создающие вокруг себя шума, искренне преданные своему делу, заслуживают уважения. Герои, заинтересованные в судьбе родины, стремящиеся принять в ней участие, не могут служить объектом иронии. Неприятны Набокову герои, которые стараются замаскировать внутреннюю пустоту пафосными речами и видимостью активной общественной деятельности. Подлинное и ложное — оппозиция, являющаяся ключевой для понимания набоковского творчества, — оказывается очень важной и при работе с темой политики — темой, без сомнения, важной, сложной, неоднозначной для Владимира Набокова.

Разумеется, все, что связано с тиранией, с подавлением свободы, превращением человека в часть безликой слепой толпы (что происходит в советской России и гитлеровской Германии), изначально маркировано отрицательно. Но в целом политика для писателя — своего рода игра, не всегда доступная его пониманию. Набоков и его герои могут отзываться о ней с иронией, относиться с безразличием или неприязнью, но это все же целый мир, к которому нельзя отнестись без некоего уважения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 1 / сост. В. В. Ерофеев. — М.: Правда, 1990.
2. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 2 / сост. В. В. Ерофеев. — М.: Правда, 1990.
3. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 3 / сост. В. В. Ерофеев. — М.: Правда, 1990.
4. Набоков В. В. Собр соч. В 4 т. Т. 4 / сост. В. В. Ерофеев. — М.: Правда, 1990.
5. Набоков В. В. Собр. соч. американского периода. В 5 т. Т. 5 / сост. Н. И. Артеменко-Толстой. — СПб.: Симпозиум, 2004.
6. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. — СПб.: Азбука, 2000.
7. Васильев А. Д. Интертекстуальность: прецедентные феномены. — М.: Флинта, 2013.
8. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. — Л.: Советский писатель, 1979.
9. Елисеев Н. Память, говори// Сеанс : журн. 22.04.2007 // http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/.

10. Ерофеев В. Затмение частичное // Шаровая молния / В. Ерофеев. — М. : Зebra E, 2000. С. 134—146.

11. Назарян А. Набоков и политика (Все, что достойно перевода) // The New Republic. — 14.04.2013. URL: <http://inosmi.ru/world/20130414/208046753.html>.

12. Питцер А. Тайная история Владимира Набокова. URL: <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>.

13. Чекалов Д. От переводчика // Со дна коробки / В. Набоков. — М. : Азбука, 2004. С. 3—11.

14. Шифф Стейси. Вера (Миссис Владимир Набоков) : биография. — М. : Независимая газета., 2002.

15. Шишкин М. Русская Швейцария (Литературно-исторический путеводитель). — М. : АСТ, 2011.

A. A. Nakaryakova
Yekaterinburg, Russia

VLADIMIR NABOKOV'S CREATIVE LEGACY: POLITICAL ASPECT

ABSTRACT. *The article focuses on the role of politics in Vladimir Nabokov's life and work. It studies the writer's and his literary characters' attitude to social activity. The article dwells on those characters who are in a certain way connected with the sphere of politics: those having something to do with state system or with social activity. The author studies the features of the given type of characters and their role in the works of Nabokov. The method of research used in the article may be defined as traditional structural-typological and comparative-historical analysis. The study is based on the whole corpus of Russian texts by Nabokov and his interviews; it also involves the works of literary critics on the writers creative legacy in the sphere of politics. On the basis of all this material, the author of the article presents a typological paradigm of Nabokov's characters.*

The object of research is a wide world of Nabokov's characters, which is organized by the inherent logic of literary and worldview choice of the writer. The object of the study is the political aspect of Nabokov's creativity, in particular, typological community of 'political' characters. The purpose of the study is the analysis of the political context of Nabokov's works of fiction, which has not been studied in detail before.

The author comes to the conclusion about the importance of the political theme for the writer and the versatility of its presentation in his creative works, and about the role of Nabokov's key opposition of "real – false" in the context of the given research. Policy turns out to be a kind of acting, and Nabokov does not always treat it with trust and understanding, but very often – with interest and respect.

KEY WORDS: *Vladimir Nabokov, character, policy, field of politics, social activity, political indifference.*

ABOUT THE AUTHORS: *Nakaryakova Anna Andreyevna, Post-graduate Student of Department of Russian Literature of the XX-XXI-st centuries, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

LITERATURE

1. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 1. — 416 s.

2. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 2. — 449 s.

3. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 3. — 480 s.

4. Nabokov V. V. *Sobr soch.* v 4 t. Sost. V. V. Erofeev. — М. : Pravda, 1990. Т. 4. — 480 s.

5. Nabokov V. V. *Sobr. soch. amerikanskogo perioda* v 5 t. Sost. N. I. Artemenko-Tolstoy. — SPb.: Simpozium, 2004. Т. 5. — 608 s.

6. Bakhtin M. M. *Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk.* — SPb.: Azbuka, 2000. — 336 s.

7. Vasil'ev A. D. *Intertekstual'nost': pretse-dentnye fenomeny.* — М.: Flinta, 2013. — 342 s.

8. Ginzburg L. Ya. *O literaturnom geroe.* — Leningrad.: Sovetskii pisatel', 1979. — 224 s.

9. Eliseev N. *Pamyat', govori!* // Zhurnal «Seans» — 22.04.2007 // http://seance.ru/blog/hitch_and_nabokov/.

10. Erofeev V. *Zatmenie chastichnoe* // Erofeev. *Sharovaya molniya.* — М. : Zebra E, 2000. — 336 s. — S. 134-146.

11. Nazaryan A. *Nabokov i politika (Vse, chto dostoyno perevoda)* // The New Republic", SShA. — 14.04.2013 // <http://inosmi.ru/world/20130414/208046753.html>

12. Pittser A. *Taynaya istoriya Vladimira Nabokova* // <http://www.liveinternet.ru/community/2281209/post278210297/>

13. Chekalov D. *Ot perevodchika* // Vladimir Nabokov. *So dna korobki.* М. : Azbuka, 2004. — 256 s. — s. 3—11.

14. Shiff Steysi. *Vera (Missis Vladimir Nabokov): Biografiya.* — М. : Nezavisimaya Gazeta., 2002. — 522 s.

15. Shishkin M. *Russkaya Shveytsariya (Literaturno-istoricheskiy putevoditel').* — М. : AST, 2011. — 608 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская.